

Annotation

Кто-то шарахается от собственной тени, а кто-то не прочь посягнуть на чужую.

- [Фред Чаппелл](#)

-

У Астольфо, которого публика, пусть и не слишком охотно, все же признает выдающимся мастером торговли тенями, нет отбоя от коллекционеров. Их влечет именно его гений, поскольку физически он ничем к себе не располагает. Иногда, раздражаясь, он говорит мне: - Фолко, ну что ты вечно нависаешь надо мной всей своей тушей? При этом я всего на полголовы выше пухленького, лысоватого, подвижного человечка, а вес - пятнадцать стоунов

[1] - не так уж велик и ненамного больше его собственного. К сожалению, в мои обязанности входит терпеть подобные замечания, и эти, и куда более язвительные, но, в конце концов, я сам напросился к нему в ученики.

Четыре долгих сезона я пытался освоить умение, мастерство и, наконец, искусство торговли тенями, и если действительно хотел достичь желаемого, только Астольфо мог подействовать мне. Однако сейчас я пребывал почти в такой же растерянности, как в тот день, когда ворвался в его особняк, воззвал к терпимости и великодушию и был принят на службу.

Однажды он, не вдаваясь в детали, упомянул о пороке собирательства. И хотя вроде бы говорил между прочим, я давно понял, что он ничего не делает зря.

- Что ни говори, а это действительно порок, - заметил он, вскидывая на меня серые глаза, в которых так редко светились искорки юмора. - Я знал человека, потратившего все свои деньги на безделушки. Он мог выбросить целое состояние на коллекцию пробок от парфюмерных флаконов, на элегантные головки шпажных эфесов, на монеты прославленных государств, давно ушедших в прославленное прошлое. Потом подобные ценители отправляются на тот свет, а обедневшие потомки разбрасывают эти сокровища по всему миру за малую часть их истинной стоимости. Так что собирательство, Фол-ко, не что иное, как дорогостоящее тщеславие.

- Насколько я понимаю, исключение вы делаете только для собирателей теней.

- А собиратели теней хуже всех, - объявил он, - поскольку не только сами предметы стоят безумных денег, но приобрести к ним тонкий вкус и чутье - и трудно, и дорого. А во сколько обходятся уход, хранение и, при необходимости, реставрация!

- Но все же большую часть дохода вы получаете именно от коллекционеров.

Астольфо тяжело вздохнул и поморгал красноватыми веками.

- Я веду бесплодное существование. И не могу понять, почему тебя влечет столь никчемный образ жизни.

Я мог бы разразиться длинной тирадой об очаровании этого бизнеса и о том, почему в моем представлении он был и остается самым деликатным, самым умным, самым сложным способом заработать на жизнь. Но я слишком часто испытывал на себе кнут ядовитого сарказма своего злоязычного наставника. И поэтому всего лишь осведомился, какое занятие он считает более достойным.

- О, я бы просто ушел на покой и посвятил себя серьезному изучению трудов древних мудрецов. Пытался бы достичь невозмутимости ума и уравновешенности характера. Старался бы всегда оставаться жизнерадостным в этом мире бесплодного соперничества и злобных раздоров.

- Большинство из тех, кто знает вас, сказали бы, что вы уже достигли желаемого. Вас

трудно назвать меланхоликом.

- Уныние вредит торговле, - изрек он. - Увидев меня хмурым, клиенты могут заподозрить, что я разорился, и пойдут к другим продавцам.

- Значит, ваши слова не просто философские рассуждения? Нас ждет новое предприятие, верно?

- Так оно и есть.

Он не возразил против местоимения во множественном числе.

- И это имеет какое-то отношение к собирательству теней?

- Как только приведешь себя в порядок и будешь достаточно презентабелен, чтобы появиться в приличном обществе, мы едем в дом сьера

[2] Плермио Рутилиуса, - объяснил Астольфо. - По пути я расскажу о нем.

- Мютано будет нас сопровождать? - спросил я. Если Астольфо испытывает необходимость в немом гиганте-слуге, значит нас ждет не слишком приятное дельце.

- Нет, - покачал головой Астольфо. - Узрев нас втроем, хозяин может усомниться в моих возможностях. Ты вполне сойдешь за приличного компаньона, и не более того. Он увидит, что ты безвреден. О Мютано такого не скажешь.

Я согнулся в почтительном поклоне, надеясь, что учитель заметит мою ироническую гримасу, выражающую несогласие.

Путешествовали мы со всей возможной роскошью, поскольку сьер Рутилиус прислал дорогой экипаж, запряженный парой лошадей, чтобы доставить нас в его шато, находившееся в двух лигах от особняка Астольфо. Пока экипаж неспешно катился по дороге, вьющейся через весенние зеленеющие поля, Астольфо сообщил, что хозяин шато - отпрыск древнего рода воинов, нанимавшихся к королям, герцогам и князьям с целью защиты их от мародеров, врагов, а заодно и друзей. Поскольку наша провинция Тлемия пребывала в мирном покое, наследственные таланты Рутилиуса никому не требовались. В молодости он предавался разгулу, опустошая подвалы, заставленные бочками с тонкими винами, заказывая у портных наиболее дорогие и роскошные плащи и камзолы и соблазняя самых красивых женщин знатных семейств.

- Короче говоря, - добавил Астольфо, - наш наниматель вел такую жизнь, о которой ты, Фолко, лишь мечтаешь: безделье, развлечения и удовольствия, догоняющие друг друга, словно дождевые капли. Разве не этого ты все еще жаждешь?

Я ничего не ответил.

- Но Рутилиус - умный молодой аристократ и, перебесившись, сумел отречься от прошлого. Теперь он изучает науки и искусства. Фермы его находятся в прекрасном состоянии и приносят немалые доходы. Он отточил и усовершенствовал свои боевые навыки, сделался известным знатоком и ценителем живописи, гобеленов, скульптур и архитектуры. Его чувства и ощущения стали такими утонченными, что, вполне возможно, он придет к собирательству теней, ибо это занятие чрезвычайно трудно постичь. Но хотя подобные причуды весьма дороги, они одновременно и наиболее увлекательны, ибо пробуждают в коллекционере бесконечный интерес и восторг, как ты уже успел заметить.

Я молча согласился, втайне завидуя тому, что человек, занимающий такое положение, как Рутилиус, способен стать приверженцем теней, не испытывая того физического дискомфорта, который был вынужден терпеть я во время обучения.

Астольфо, казалось, угадал мои мысли.

- Не стоит считать его мягкотелым, изнеженным дилетантом. Он превосходный фехтовальщик, заядлый охотник, ловкий делец и бесстрашный боксер. Правда, о его подвигах с женщинами я ничего не слышал. Может, одна из городских девок уже успела что-то тебе

нашептать?

Я покачал головой.

- Итак, заранее понятно, что любое его поручение окажется достаточно сложным, тем более, что сам он обладает большими возможностями и неистощимыми способностями.

- Да, и судя по этим возможностям вполне может позволить себе ту зубодробительную плату, которую вы запросите.

- Потому мы и едем к нему, - хмыкнул Астольфо. - Тем более, что я уже в том возрасте, когда обычные трудности не привлекают... А вот мы уже на месте.

Лошади остановились, кучер открыл дверцу, опустил лесенку и помог нам спуститься по золоченым ступенькам. Мы оказались на выложенной зеленым дерном дорожке, перед массивными дубовыми дверями шато.

Дворецкий немедленно проводил нас в вестибюль, где уже ожидал сам Рутилиус. Я огляделся. Просторное помещение с высокими сводчатыми потолками из кедрового дерева. Три ступеньки вели вниз, к небольшому круглому бассейну, выложенному голубой мозаикой. Там, медленно шевеля пышными прозрачными хвостами, плавали золотые и серебряные карпы. Цветы в изысканных вазах радовали глаз. Из соседней комнаты доносились нежные звуки лютни, на которой играла чья-то невидимая рука.

А я-то считал верхом роскоши особняк Астольфо, расположенный вблизи самого центра портового города Тардокко, с его садами, газоном и конюшней. Но теперь понял: какое бы состояние ни сколотил Астольфо, по сравнению с деньгами Рутилиуса это всего лишь песчинка в пустыне.

Но сам Рутилиус не показался ни заносчивым, ни тщеславным. Стройный светловолосый человек, лет тридцати пяти, с непринужденными манерами, он, казалось, был искренне рад знакомству, хотя я заметил, что он не протянул нам руки. И все же при этом держался весьма дружелюбно, без намека на высокомерие. Хозяин, как водится, предложил немного вина. Признаюсь, лучшего я в своей жизни не пробовал.

Завязалась оживленная беседа, во время которой барон и мастер Астольфо обменивались воспоминаниями и осторожными мнениями относительно общих знакомых. Сьер Рутилиус прощупывал Ас-тольфо на предмет его связей в обществе, осведомляясь о здоровье княгини N и новом жеребце в конюшнях графа Z. Торговец тенями с честью выдержал испытание, показав, что знаком с вышеуказанными людьми и их делами, и не произвел при этом впечатления сплетника.

Наконец Рутилиус резко оборвал затянувшуюся болтовню.

- Имеете ли вы хоть какое-то представление о цели нашей встречи?

- Полагаю, вам потребовались мои услуги.

- И вы знаете, какие именно? Можете отвечать правдиво и ничего не бояться.

- Понятия не имею, - мягко обронил Астольфо. Барон облегченно вздохнул.

- Рад слышать это. Я боялся, что мое поведение в последнее время выдает меня с головой.

Весьма многие пристально наблюдают за мной, выискивая признаки слабости.

- Значит, речь идет о нежных чувствах, - кивнул Астольфо. - Но должен сказать прямо, сьер Рутилиус, я не склеиваю разбитые сердца. Мало того, не разбиваю целые.

- Ни того, ни другого от вас не потребуется, - заверил Рутилиус. - Но прошу, пойдете в другую комнату. Позвольте наполнить ваши бокалы. Возьмем их с собой.

- Благодарю. Прекрасное вино, - похвалил Астольфо.

Долив вина в бокалы, Рутилиус проводил нас по длинной, увешанной шпалерами галерее в маленький салон. Паркетный пол был устлан пушистыми коврами, что вызывало ощущение покоя и даже неги. В большие окна лился теплый свет, создавая впечатление простора. Но я не

мог оторвать взгляда от стен, увешанных картинами и рисунками. Некоторые были портретами в натуральную величину, другие - прелестными миниатюрами.

Я переходил от картины к картине, любуясь каждой. Изображение теней - самое сложное и деликатное из изящных искусств, и даже прославленные художники должны трудиться целый сезон, чтобы достичь весьма среднего результата. Здесь же каждый экземпляр был шедевром. Кое-какие я узнавал по книжным репродукциям-гравюрам, но остальные были мне неизвестны, и при виде их мороз шел по коже.

Астольфо, чьим девизом было «ничему не удивляться», на этот раз не скрывал искреннего восхищения, то и дело отступая и приближаясь к очередной картине, склоняя голову набок, прищуривая глаза. Никогда еще я не видел его столь взволнованным и невольно задавался вопросом: уж не спектакль ли это, призванный показать Ас-тольо ценителем искусства и заодно похвалить тонкий вкус Рутилиуса.

Я отметил также, что барон внимательно наблюдал за моим учителем и казался довольным, когда мастер теней упорно возвращался к одному и тому же рисунку. Среди других, более эффектных, он поначалу не производил сильного впечатления. На бумажном листе мелкими и графитом была набросана тень женщины. Но чем дольше я вглядывался в изображение, тем больше поражался не только искусству автора, но и непередаваемому, неопишуемому очарованию, исходившему от модели.

Несмотря на все наставления Астольфо, изучение десятков картин и рисунков из коллекций его клиентов, чтение заумных трактатов по живописному искусству, я не приобрел достаточных знаний, чтобы изрекать мудрые слова. Но искренне считаю, что картины говорят сами за себя, а все, что сказано по их поводу мазилками в чернильных пятнах и присыпанными мелом школьными учительшками, такая безмозглая чушь! Лично я предпочел бы слушать, как козел пускает ветры, чем терпеть присутствие высокопарных всезнаек, рассуждающих о композиции, способе наложения красок, перспективе и тому подобной чепухе.

Однако, улавливая случайные замечания Астольфо, я все же сумел развить в себе чисто практическое чутье и умение оценить картину, особенно там, где речь шла об изображении теней.

- Прежде всего, - объяснял он, - художник должен учиться передавать объем, то есть положение тел в пространстве. Только дети видят тени плоскими, темными двухмерными полосами, растянувшимися на поверхности. Поэтому главное - увидеть, что при всей своей невесомости, хрупкости и иллюзорности тени имеют объем и трехмерность, к которой, в отличие от твердых тел, таких, как камни и деревья, добавляется еще одна поверхность, позаимствованная из потустороннего, запредельного источника, с каковым они тесно связаны.

В то время я не понимал, что требует увидеть Астольфо, но его высказывания в точности соответствовали этому, на первый взгляд, простому рисунку. Контуры фигуры словно поднимались с бумаги, на которой были нарисованы. Тень казалась эскизом скульптуры из бронзы или стекла.

- Насколько я понимаю, эти картины - ваша собственность, - заметил Астольфо еще мягче обычного.

- Да, и почти все - изображения теней, которые я собрал, - кивнул Рутилиус. - Один или два шедевра я приобрел, восхитившись мастерством художника. Некоторые из них весьма стары.

- Совершенно верно, и даже подписаны авторами. У двери висит Манони, а в углу соседней картины нарисована маленькая саламандра: знак прославленного Проксимо. Правда, новейшие экземпляры не подписаны.

- Рисователи теней обнаружили, что обнародовать собственные имена за границей небезопасно, - пояснил Рутилиус.

- Да, но некоторые работы настолько изумительны, продуманы и индивидуальны, что в подписях нет нужды. Например, рисунок тени молодой женщины, должно быть, создан Петриниусом. Он современный гений теней, и его рука узнаваема.

- Вы правы.

- Я вижу также, что этот рисунок совсем свежий. Должно быть, он попал к вам недавно.

- Автор закончил его всего неделю назад.

- И сама тень находится в вашей коллекции?

- Совершенно верно.

- Поздравляю. Эта тень - сокровище, которой может гордиться любой коллекционер.

- Гордиться? Возможно. Но полного счастья я не ощущаю.

- Причина?

- Я испытываю огромное, непреодолимое желание знать, какая женщина отбросила эту тень и где она сейчас.

- Разве ваш поставщик не поведал вам все эти подробности?

- Он ничего не знал, потому что получил рисунок от человека, который сам оставался в неведении. Возможно, этот шедевр прошел через много рук, прежде чем попал в мои.

Астольфо выступил вперед и наклонился ближе, чтобы рассмотреть рисунок.

- Возможно. Трудно сказать. Если бы я видел оригинал...

- Прежде чем я рискну показать вам тень, мне необходимо знать, примете ли вы мое поручение и каковы ваши условия.

- Желаете, чтобы я все разузнал о той особе, которая отбросила тень?

- Хочу, чтобы вы нашли ее, саму женщину, и рассказали, кто она и где находится.

- Я согласен принять поручение только условно, - покачал головой Астольфо, - поскольку не могу предвидеть, какие трудности нас ожидают. Не исключено, что утомительные, долгие поиски окажутся бесплодными.

- Вполне справедливо. И все же вы самая опытная ищайка во всей своре, и если уж пускать кого-то по следу, так именно вас. Ваша репутация, должно быть, заработана тяжким трудом и вполне оправдана. И, поверьте, вы будете достойно вознаграждены.

- И все-таки - условно. Давайте посмотрим оригинал. Может, тогда я смогу сказать больше.

В другом помещении, поменьше, рядом с комнатой, где хранилась коллекция, находились приобретенные Рутилиусом тени. Я заметил, что Астольфо восхищается способом их хранения. Многие собиратели и торговцы считают, что тени необходимо запирать в темных местах: чуланах, шкафах, подвалах, - чтобы окружающая тьма сохраняла их свежесть. Но, по моему мнению, она одновременно высасывает из них энергию, постепенно поглощает некоторую часть их природной живости. Лучше всего полумрак: неверный, мерцающий, непостоянный свет. Эти переменчивые условия сохраняют тени в тонусе и придают гибкость и податливость. Запахи, исходящие от них, в подобном свете всегда бывают чище, а контуры реже теряют резкость, чем при хранении в какой-нибудь темной дыре.

Для самой ценной и дорогой тени съер Рутилиус заказал специальный шкаф из стекла, на целую ладонь выше моей головы. Внутренность была выложена слегка затонированными и обычными зеркалами, и тень плавала среди них в постоянно изменяющемся, смутном свете. Сами зеркала медленно вращались посредством часового механизма, прикрепленного к боковой стороне шкафа. Тень перемещалась в этом пространстве, как карп, разрезающий воду в мозаичном бассейне вестибюля.

Астольфо трижды обошел шкаф, то и дело наклоняясь, чтобы рассмотреть тень под разными углами. Сразу было видно: он размышляет, как лучше сделать такое же устройство у себя дома. Я отметил также, что он довольно часто отворачивается от стеклянного шкафа, чтобы

взглянуть на сьера Рутилиуса.

Барон, должно быть, тысячу раз любовался этим зрелищем и все же как замороженный стоял перед тенью, пожирая ее глазами. Он заткнул большие пальцы за широкий парчовый кушак, жадно перебирая остальными складки ткани.

Ничего не скажешь, красота просто ошеломляла. В этой тени было столько утонченности и грации, в ней ощущалась такая неукротимая свобода, что на сердце становилось легко. Астольфо не раз описывал самые прекрасные тени как гениальную музыку, и если следовать ходу его мысли, эта тень была прохладной, прозрачной арией чистейших тонов в исполнении гениального сопрано. Впрочем, я не был в таком восторге, как наш хозяин: мне по вкусу более темные оттенки, более гладкая, атласная текстура, более насыщенная ткань. Но для тех, кто предпочитает тени, балансирующие на грани исчезновения, образ, кажущийся шепчущим эхом оригинала, эта тень была идеальной.

Потребовалось немало времени, прежде чем Астольфо закончил осмотр, а наш хозяин смог оторваться от созерцания своего сокровища.

- Любой коллекционер, - начал Астольфо, - самый богатый или знатный, посчитал бы эту тень своей королевской регалией.

- Для меня так оно и есть... и даже больше, - кивнул Рутилиус.

- Ваша любовь к объекту убедила меня, - объявил Астольфо. - Я принимаю поручение, при условии, что не берусь гарантировать положительный результат.

- А ваши комиссионные?

- Пока трудно сказать, но я не разорю вас.

На обратном пути, удобно разместившись в экипаже, Астольфо предостерегающе заметил:

- Это весьма деликатное дело, и нам следует действовать с большой осторожностью. Прежде всего нужно потребовать от сьера Рутилиуса письменное обязательство в том, что нам не грозит опасность от его руки.

- Но с чего ему придет в голову причинить нам зло?

- Все влюбленные - безумцы и в порыве страсти способны на любую выходку. Неужели ты не заметил, как он смотрел на нее? Он влюблен.

- В тень?!

- Он мысленно представляет вместо тени настоящую женщину. Обыкновенную смертную женщину, которая отбрасывает такую грациозную, такую гибкую, такую романтическую тень. Ее образ запечатлелся в его сердце, словно высеченный в камне.

- Вы говорите о нем, как о робком девственнике, но человек его положения... - запротестовал я.

- Человек, имевший десятки женщин во плоти, уставший от их навязчивости, стремления опустошить его кошелек и истощить чресла, возможно, мечтает найти иные и более возвышенные отношения с женщиной-тенью.

- Но та, которая отбрасывает тень... она живая. Из плоти из крови, как и все мы.

- Из плоти и крови - да. Но не как ты и я.

- О чем это вы?

- Какая особа способна отбрасывать столь эфемерную тень? Подумав, я пожал плечами:

- Возможно, святоша. Аскетичная студентка или преданная храму девица.

Астольфо кивнул, но во взгляде таилось сомнение.

- Пророчица... но только подобные лица редко обладают утонченностью, и если так, подобная утонченность строго индивидуальна и даже эксцентрична. А вот движения этой тени обладают высокой степенью грации, не доступной темпераменту отшельницы.

- Вы говорите так, словно уже догадались, кто эта женщина.

- Всего лишь зыбкие предположения, не более. Апока давай попробуем заманить художника, нарисовавшего тень, на завтрашний ужин.

- Петриниуса? Он не придет. Говорят, он презирает всякое общество, кроме собственного.

- И даже им он не слишком доволен. Но все же, думаю, для нас он сделает исключение. В любом случае, мы попытаемся.

Угрюмый, широкоплечий Мютано проводил Петриниуса в большую библиотеку, где мы с Астольфо стояли перед гигантским камином в ожидании гостя. Вечер был слишком теплым, так что огня не зажигали, а вместо этого Астольфо приказал вычистить камин и установить внутри маленькие мраморные статуэтки, изображающие духов пламени. Мало того, из всех углов и комнат дома он принес лучшие произведения искусства: картины, рисунки, вышитые ширмы, керамические безделушки, книги в затейливых переплетах и расставил их в библиотеке, рассчитывая произвести благоприятное впечатление на великого художника.

После дежурных приветствий он начал было восторженную речь, но Петриниус немедленно оборвал его.

- Я пришел, чтобы есть мясо, пить вино и послушать, что за дело у тебя ко мне, Астольфо, поэтому не стоит тратить время на пустую риторику.

Астольфо окинул Петриниуса мягчайшим из самых мягких взглядов, ничуть не возмущившись бесцеремонностью художника, которую тот, похоже, выставлял напоказ. Петриниус был коротышкой, почти карликом, с быстрыми, порывистыми движениями и походил на марионетку, управляемую парализованным кукловодом. Он так и искрился нервной энергией, она словно потрескивала в нем, как в янтаре, натертом мехом рыси. Пальцы подергивались, ноги постоянно шаркали по полу. Слова вылетали из его рта, подобно дротикам, а когда он молчал, лицо выдавало каждую мысль и каждый порыв серией выразительных гримас. Одним из его прозвищ было Огонек Свечи, и он действительно горел, как пламя.

- Я рад, что ты пришел выпить моего вина, - кивнул Астольфо, наливая из фляги в форме дракона три бокала ароматного темного напитка.

Петриниус опрокинул бокал и снова протянул его Астольфо.

- Нам ни к чему спешить, - заметил Астольфо, наливая до краев протянутый сосуд, - ибо я уверен, что вы уже догадались о предмете беседы.

Петриниус осушил бокал одним хлюпающим глотком и опять протянул хозяину.

- Речь пойдет о рисунке, купленном съером Плермио Рутилиу-сом. Я прав?

- Абсолютно, - учтиво улыбнулся Астольфо, наливая вино.

- Вряд ли я смогу вам помочь. Я почти ничего не знаю о тени, а то малое, что мне известно, дорого вам обойдется. Надеюсь, вы уже поняли, какова будет цена?

- Это определенная тень или, вернее, ее часть.

- Именно.

- Вы, должно быть, все еще пишете свою великую фреску. Какое название вы дали давно задуманному шедевру?

- Пока что он назван «Шествие мертвых». Возможно, завтра я назову фреску по-иному. Что вы можете предложить за мои сведения?

- Отрежу от тени Маласпино на два пальца в ширину. И даже больше, если ваш ответ меня удовлетворит.

- Спрашивайте.

- Как по-вашему, съер Рутилиус говорит правду, утверждая, что ему ничего неизвестно о тени, которую вы гениально изобразили?

- Не тратьте время на лесть. Я вполне сознаю, на что способен. По-моему, говорить правду

в интересах Рутилиуса. К чему обманывать того, кого нанял?

Даже весьма откровенный глагол «нанять» не обидел Астольфо.

- Дело в том, что торговля тенями - дело неверное и неизбежно связано с мошенничеством. Имеются ли у вас предположения, откуда взялась эта тень?

- Давайте оставим прописные истины, - резко бросил Петриниус. - Простое наблюдение за объектом сказало мне многое. Он прошел через несколько рук, прежде чем оказался у Рутилиуса: объект совершенно свеж, не загрязнен и без следов износа; характер вполне определенный и ясный. Я считаю, что вор отдал его посреднику, имея в виду именно Рутилиуса в качестве единственного покупателя.

- Тот, кто украл тень, не был вором по призванию, иначе посредник, желая защитить себя, узнал бы от него имя той, которая ее отбросила.

- Разумеется, разумеется, - нетерпеливо отмахнулся Петриниус. - Это предполагает также, что цена, полученная посредником, и тень, которую тот сохранил для себя, были для вора менее важны, чем необходимость избавиться от нее.

- Но не из страха, поскольку тень принадлежала молодой женщине, и она вряд ли могла причинить ему зло.

- Если только не имела любовника, брата или другого покровителя, который стал бы преследовать похитителя.

Астольфо кивнул.

- И все же...

- И все же, прошло достаточно времени, но никто не появился. И я подозреваю, что девушка могла быть парией или сиротой.

- Возможно, рабыней?

- Разве это неуклюжая деревенская простушка? Разве это деревенщина, как твой ученик? - бросил Петриниус, пренебрежительно махнув рукой в мою сторону. - Своей грацией она обязана не только природе. Ее долго и тщательно обучали и воспитывали.

- Я тоже так подумал.

- Ты заранее знал все, что я скажу. Или позвал меня, просто чтобы позлить? Веди к столу. Я наемся досыта и удалюсь.

- Мы скоро поужинаем бараниной со спаржей и шпинатом, - пообещал Астольфо. - Повар позовет, когда все будет готово. Обещаю, вы не пожалуете о его медлительности.

- Даже самый вкусный обед всего лишь топливо для телесной жаровни, - изрек Петриниус, впервые глядя прямо мне в лицо.

Только сейчас я заметил, что глаза у него разного цвета: левый - мутно-серый, правый - ярко-синий.

- Интересно, сумел ли этот приятель усвоить разницу между бараньим рагу и овсяной соломой? По-моему, Астольфо, он плохо подходит для твоих махинаций.

- О, Фолко совсем не плох. Ему требуется всего лишь небольшая шлифовка.

- Сбрую мула можно надраить, но веса самому мулу это не придаст.

- Скажите, сколько, по-вашему, весит хозяйка тени?

- Не более восьми стоунов. Она правша, хотя при ходьбе ступает с левой ноги. Кости рук и особенно ног узкие, подъем высокий. Способна на быстрые, резкие движения, но может долгое время оставаться неподвижной. Плечи почти прямые, как у солдата, и подчеркивают длинную, грациозную шею. А вот кисти рук для меня - загадка: иногда мне кажется, что они слишком малы для ее тела, иногда, что слишком велики.

- Но как могли украсть ее тень? Насильно? При внезапном нападении? Или медленно и осторожно, усыпив ее бдительность?

- Только не насильно. И не постепенно. Контур не слишком резкий, но и не размытый.

- Я отрежу от тени Маласпино три пальца в ширину. И теперь, когда мы покончили с этой темой, расскажите о композиции своей фрески.

- В центре она будет темная, непроглядно темная. И тень негодяя, взятая у него перед повешением, добавит еще темноты. Вы ведь стояли на эшафоте рядом с Маласпино, верно? До меня дошли слухи.

- Поскольку все, кроме меня, уже мертвы, могу это подтвердить. Я подкупил одного из палачей, уговорив остаться дома. Надел его мантию и грязный капюшон. Он должен был связать ноги Маласпино, перед тем как наденут петлю, и я, встав на колени, отрезал тень прямо у носков его сапог. В жизни не видел подобной черноты. Злосчастный поэт Эдгардо подмешивал крошечные частицы в чернила, и его стихи становились все более мрачными и сардоническими.

- Вы имеете в виду стихотворение «Шанс»? «Склоняюсь перед демоном мира... Этот чудовищный властитель наполовину идиот, дикарь наполовину...»

- И другие строки, в которых он слишком строго судит наших современников...

- Думаю, он чересчур высокого мнения о себе, - отрезал Петриниус. - Пусть сочиняет, что хочет, я готов проглотить самую горькую пилюлю.

- Поскольку у вас такой хороший аппетит, идемте ужинать, - пригласил Астольфо. - Мой нос подсказывает, что блюда готовы. Заодно потолкуем еще о вашей великой фреске.

Петриниус, как оказалось, был не прочь поговорить о себе. Между бесчисленными кубками с вином и увесистыми кусками мяса Петриниус охотно распространялся о любимой работе. По мере того, как он все больше увлекался, названия менялись. Иногда он называл фреску «Триумфальный марш справедливости против мерзости жизни», в другой раз - «Священная ярость, или Смотрите, кто мы есть на самом деле». Работа была его мезой истории и жизни, которую он считал скорее преступлением, чем бедствием.

- Многие, взглядевшись в фигуры на стене, узнают себя и станут гневно завывать от бессильной ярости!

- Ваш шедевр будет исполнен страсти.

- Да-да, именно страсти! - вскричал Петриниус с набитым ртом, плюясь крошками баранины. - Я вложу в него всю боль своего сердца, всю точность руки и глаза.

- Но разве ваше творчество не действует на прототипы? - спросил Астольфо. - Из того, что приходилось слышать о Манони, я понял одну вещь: его искусство настолько мощно, что, когда он испытывает недобрые чувства к оригиналу, тот действительно заболевает. Говорят, некоторые - даже смертельно.

- Ба! - фыркнул Петриниус, глотнув вина. - Все это сказки! Старушечьи суеверия. И я вовсе не уверен, что Манони заслужил столь высокую репутацию. Я могу показать вам слабые места в его лучших работах.

- Значит, это неправда, что творчество художника может повлиять на здоровье модели?

- Это неправда, хотя многие мои собратья предпочитают поддерживать эту легенду. Однако что касается теней, все верно. Так получается, что портрет тени может повлиять на ее внешность, в хорошем или плохом смысле.

- Понимаю. Наверное, на результат действует страсть, владеющая художником?

- Отчасти. Однако, я вижу, ты пытаешься выведать мои секреты? Спасибо, я больше не голоден, не страдаю от жажды и потому удаляюсь.

- Может, я сумею соблазнить тебя сладким вином с островов Солнечного сияния? Свежей дыней?

- Прибереги свои манеры для другого случая, Астольфо. Я желаю тебе доброй ночи.

После резкого ухода Петриниуса, который, пьяно пошатываясь, размахивал молескиновым

[3] пакетом, унося фрагмент тени Маласпи-но, Астольфо предложил мне пройти в малую библиотеку и выпить перед сном. Там, за письменным столом, уже ждал Мютано, перед которым стояли графин с шерри и три маленьких бокала.

Несколько минут он оживленно беседовал с Астольфо на языке жестов, которого я не знал. Астольфо налил шерри, и мы молча выпили, после чего хозяин обратился ко мне:

- Итак, что нам удалось узнать сегодня вечером?

- Что Петриниус так и напрашивается на трепку. Его талант, столь высоко ценимый, когда речь идет о красках и холсте, тут же тает, стоит ему открыть рот.

- Да, он распознал в тебе безмозглого болвана и, признаюсь, попал в точку.

- Ничего, под вашим руководством, надо полагать, я приобрету необходимые лоск и остроумие и научусь вкрадчиво бормотать пустые комплименты. Вы еще будете гордиться своим созданием, - парировал я.

Должно быть, столь неожиданный сарказм застал учителя врасплох, ибо он не сразу нашелся с ответом.

- Замечаю, ты выгодно используешь свою внешность. Никогда не помешает казаться глупее, чем есть на самом деле. Люди склонны обманываться, и это можно обернуть к нашей выгоде.

Я кивнул. Его слова пробудили во мне надежду, что наше сотрудничество, пусть и ненадолго, но продолжится.

- Скажи, какие физические качества, по-твоему, способствуют силе творчества господина Петриниуса?

- Я поражен его манерами. Он весь состоит из ломаных, дерганных, резких движений. Изгибает под немислимыми углами свое тело так же часто, как искажает немислимыми гримасами лицо - и все же его рисунки безупречны до такой степени, что можно подумать, будто он создает их одним дыханием.

- Странно представить, что человек, который пьет вино, как воду, и громко чавкает, роняя крошки на стол, тот же самый художник, который создает гениальные картины. Взяв кисть, он разительно меняется.

- Он свивает и развивает кольца, словно гадюка в пламени.

- Да, и поэтому видит окружающее совсем иначе, чем мы. Заметил его глаза?

- Они разного цвета.

- Ярко-синий - наблюдателен и точен. Левый, оттенка стали кинжального клинка, был потерян в уличной драке. Ему приходится постоянно вертеть головой, чтобы видеть окружающее. Потеря зрения на один глаз дала ему преимущество в изображении теней.

- Значит, он приобрел ценное увечье.

- Вернее, сам сделал его ценным. Его увечья и чудачества тщательно культивируются. Дурные манеры и грубоватая речь, говорящие о независимом характере, свободном от низкопоклонства и подхалимажа, а также постоянная бравада повышают гонорары, которых он требует. Там, где иному приходится есть жаб, чтобы добиться милости сильных мира сего, Петриниус изрыгает яд - и получает признание. Его великая фреска в законченном виде будет считаться наиболее мощным памятником мизантропии. Многие в этом городе придут в бешенство, узнав на фреске себя. Если он к тому же изобразит их тени, несчастные вскоре придут к печальному концу. Полоска тени злодея Маласпино даст ему еще больше власти. Некоторые высокопоставленные персоны жестоко пострадают, увидев последнее произведение Петриниуса.

- Но это рискованно, - заметил я. - Кое-кто их знатных людей сотрет его с лица земли, если он посмеет их прогневить.

- Он полагается на защиту своего гения. Заметил, что он рассказывал об украденной тени?

- Но он ничего не знает. Утверждал, что тень не украли силой. И не стащили потихоньку.

- Знаешь первые два способа, которыми крадут тени?

- Тайком, - ответил я, - и это называется «отделение тени». Или силой, и тогда это называется «отсечение тени». Третьего способа я не знаю, поскольку вы еще не сочли нужным о нем рассказать.

- Но ты и сам можешь легко сообразить. Как приобрести что-то, не оставив следов хищения?

Я озадаченно наморщил лоб.

- Ну, полагаю, если человек сам отдаст мне вещь...

- Если ты добровольно отдашь кому-то свою тень, не останется признаков ни насилия, ни воровства. Этот акт называется «передача».

- Но люди неохотно отдают свои тени, - заметил я. - В каких обстоятельствах можно сделать нечто подобное?

- Этот вопрос я задам себе во сне. Если моя подушка окажется словоохотливой, возможно, нам троим придется завтра побродить по городу, - объявил Астольфо и снова завел с Мютано безмолвную беседу. Пальцы мелькали, будто стая воробьев в кроне шелковицы.

Я оставил их, вернулся в свою одинокую, почти голую комнату, разделся, лег в постель и заснул, как часовой после дневной вахты.

Наутро после обычного скудного завтрака я стоял в восточном саду с закрытыми глазами и поворачивался вокруг собственной оси, определяя расположение теней. Было бы ошибкой предполагать, что постижение природы теней и их расположения зависит исключительно от остроты зрения. В этом участвуют все чувства. Я прислушивался к ветрам, соединявшим свет и тьму, обонял различия между растениями, произраставшими в тени стены и на солнце, кончиком языка ощущал вкус запахов, витавших в воздухе. Чувствовал пятнистую тень, падавшую на лицо и отброшенную веткой платана, на которой только появились листья. С особым удовольствием я слушал птичью песню, изливавшуюся из низких густых зарослей, отмечая, как песня светлеет и поднимается к небесам, по мере того как трели вырываются из зеленого полумрака в солнечный день.

Я воображал, будто охватил все, что творится вокруг, но эта иллюзия была грубо рассеяна неожиданным, крепким, но не злобным пинком в зад. Мютано, друг и слуга, хотя и напоминает медведя размерами и повадкой, может двигаться бесшумно, словно полуночный призрак. Астольфо назначил его моим инструктором по боевым искусствам, и он вечно тренировал во мне бдительность, заставляя сражаться на деревянных мечях, устраивая борцовские схватки, лошадиные скачки и так далее. Я был благодарен ему за этот пинок. В иное время в подобной ситуации настоящий враг успел бы воткнуть мне в спину кинжал.

Он жестом велел следовать за ним в малую библиотеку, где в потертом кожаном кресле сидел Астольфо. Когда мы вошли, он, казалось, дремал и заговорил со мной лениво, врасстяжку, едва ворочая языком. Такова была манера учителя изъясняться, когда ум его занимала очередная проблема.

- Мои поиски не были бесплодными, но окончательного результата не принесли. Сейчас мы отправляемся в мастерскую танцмейстера Максинио. Перед уходом ты должен выпить чайник специально приготовленного чая. Это даст тебе хороший предлог и возможность осмотреть его дом. Мютано при необходимости послужит нам защитником, а также наблюдателем, ибо, говоря по правде, я сам не знаю, чего ожидать от этого визита. В этом деле мои инстинкты могут оказаться либо верны, либо нет. Так или иначе, придется идти безоружными, лишь Мютано захватит свой короткий меч. Так что будь готов.

Как мне велели, я умылся, надел чистый камзол и большими глотками осушил чайник, после чего присоединился к Астольфо и Мюта-но, уже ожидавшим в вестибюле. Астольфо, как я заметил, сменил костюм и был одет в зеленые с золотом штаны и камзол торговца пряностями. Но если он надеялся удачно замаскироваться, то у него ничего не вышло: одной одежды недостаточно, чтобы сойти за почтенного представителя купеческой гильдии. В городе Тардокко всякий знал мастера теней Астольфо.

Дверь в заведение Максинио, небрежно сколоченная из неструганых дубовых досок, с маленьким оконцем посередине, производила убогое впечатление. Мы постучали. На пороге появилась девочка лет десяти-двенадцати в сереньком платьишке судомойки: ничем не примечательная особа, если не считать огромных, темных, миндалевидных глаз, сиявших с бесстрастного лица и казавшихся старше чумазой физиономии. Девочка молча проводила нас на второй этаж, в студию, где занималось с полдюжины молодых девушек, от двенадцати до шестнадцати лет, в белых трико и пачках. Все отрабатывали прыжки и пируэты под холодным взглядом седовласой матроны-хореографа. Максинио сидел на раскладном стуле, без особого интереса поглядывая на учениц. Музыкант, едва умещавшийся в ободранном деревянном кресле, не поднимал глаз от лютни.

Астольфо, тоже не удостоив девиц взглядом, поспешил поклониться Максинио и пожать его вялую руку. Мы с Мютано наоборот, следуя инструкции, пристально осматривали каждую. Все были удивительно хороши собой, в самом расцвете юной красоты. Я пытался не отвлекаться, сосредоточиться на том, что искал.

- Странные цвета одежды для похитителя теней, не находишь, Астольфо? - осведомился Максинио. - К чему такой кричащий наряд с самого утра?

- Ну разве не восхитительно? Я счастлив, что мое преступное прошлое, если таковое и было, давно осталось позади, и я могу позволить себе подобную ливрею. Сегодня зелень и золото означают, что я поступил на службу к богатому торговцу пряностями.

- Какое отношение я имею к торговцам пряностями? Мне абсолютно наплевать на твое оперение!

- Он богат, и эти сведения должны бы интересоваться тебя!

- С чего это?

- Он раздумывает, стоит ли вложить деньги в твою балетную труппу.

- Должно быть, ты принес с собой груды золота, поскольку велел этим двум громилам охранять сокровище? Твоего тупоголового слугу я уже видел, этого Маттона

[4], или как там его.

- Мютано, - поправил Астольфо. - Самый скромный и молчаливый из всех людей на свете.

- Пусть таким и остается. Но кто этот погонщик волов на глиняных ногах? Выглядит так, словно из его гульфика сейчас посыплется кузнечики.

- Ему нравится откликаться на имя Фолко, и, думаю, сейчас бедняге просто не по себе. Насколько мне известно, он с утра накачивался элем, не зная, что мне потребуются его услуги. И теперь последствия не замедлили сказаться. Возможно, здесь имеется место, где он может облегчиться.

- В эту дверь и вниз по длинному коридору. В конце он найдет туалет, - объяснил Максинио и, морщась, добавил: - Не нравится мне вид этого Фолко.

- Я намереваюсь улучшить его внешность, - пообещал Астольфо, жестом отпуская меня.

Горький чай Мютано возымел свое действие, так что я почти бегом промчался по коридору к открытой двери. Внутри высились четыре керамических унитаза. В комнате не оказалось ни одной женщины, так что я закрыл дверь и занялся своим делом, стараясь, как было приказано,

чтобы звук доносился наружу, свидетельствуя об истинности моих намерений.

Натянув штаны, я немного постоял, прислушался, после чего прокрался к двери и осторожно ее приоткрыл. В коридоре никого не было, и я медленно и бесшумно зашагал вперед, останавливаясь у каждой двери. Но повсюду было тихо.

В противоположном конце коридора оказалась лестница, и мне почудилось, что с верхнего этажа раздается музыка. Я поднялся по ступенькам и приблизился к первой же двери у лестничной площадки. Оттуда отчетливо доносились мягкие аккорды арфы. Пришлось толкнуть дверь, но она не поддавалась. Я только улыбнулся. Потребовалось всего несколько секунд, чтобы открыть замок полоской жесткой кожи.

Когда я открыл дверь и заглянул внутрь, оказалось, что в комнате достаточно светло. Солнечные лучи падали на бледного юношу романтического вида, с длинными локонами, очевидно, погруженного в музыку и не замечавшего ничего вокруг. Посреди комнаты танцевала девушка, затянута в белое трико. На ней не было обычной пачки.

На вид ей было не больше шестнадцати. Стройная, как тростинка, она казалась серебряной спиралью, медленно вращавшейся с поднятыми руками. Девушка смотрела вверх, на маленькие кисти с длинными пальчиками. Светлые волосы свободно свисали почти до талии. Должно быть, я увидел приму труппы Максинию, танцевавшую в световом столбе, подобно духу одиночества, словно она была единственным живым существом в своем отдельном мире. Я вдруг ощутил, что, глядя на нее, взираю на собственный дух, каким я его представлял в приступах меланхолического юмора: одинокий, без друзей и родных, в момент остановившегося времени. Если всякая человеческая душа - сирота, как утверждал Астольфо, эта молоденькая девушка была воплощением той самой души.

Я зачарованно наблюдал, прежде чем понять, почему ей удалось создать атмосферу столь щемящего одиночества. Танцующая в широком солнечном луче, она не отбрасывала тени на полированный кленовый паркет и словно горела холодным серебряным пламенем, чистым, как свет звезды, замерзший в куске льда. Отсутствие тени еще сильнее связывало ее с музыкой: она казалась частью этой музыки, будто арфист, мягко перебирая струны, ласкал ее тело кончиками пальцев, извлекая из него, а не из своего инструмента аккорды и ноты, вливавшиеся в мои уши.

С трудом очнувшись, я спустился вниз и вернулся в студию, где Максинию и Астольфо беседовали с другими девушками. Но перед моими глазами плыла серебряная танцовщица. Войдя в комнату с более резким освещением, другой музыкой и гарцующими девицами, я поморщился от неприятного ощущения. Все, и особенно танцовщицы, казались неловкими, унылыми и грубыми. До своего открытия я считал комнату достаточно уютной, но сейчас она показалась мне скучной, неопрятной и обшарпанной.

- А, Фолко! - приветствовал Астольфо. - Наконец-то! Должен тебя поздравить: твой мочевого пузырь наверняка побьет рекорд вместимости. Готов выставить тебя на турнир.

- Я пил чай, а не эль, - оправдывался я. - Мои внутренности не переносят чая.

- Долго еще мы будем обсуждать достоинства твоего болвана? - спросил Максинию. - Или больше не о чем поговорить?

- Возможно, мы злоупотребили твоим гостеприимством, - заметил Астольфо. - Теперь, когда я узнал, что у тебя нет желания принимать инвестиции от посторонних лиц, наши дела здесь закончены.

- Ты прав, Астольфо, - объявил Максинию. - Закончены. Вообще не понимаю, почему ты постучался в мою дверь в сопровождении двух подозрительных типов, да еще напелл небылиц о каком-то торговце пряностями. Какие бы грязные делишки ты ни задумал, меня не впутывай, и на этом все!

- Тебе лучше знать, - бросил Астольфо, поклонившись. Мы последовали его примеру, а

девочка с огромными глазами и в сером платье проводила нас вниз. Звуки лютни стали громче.

Мы уселись на кухне, и я рассказал Астольфо о виденной мною танцовщице. Астольфо любил это пахнущее хлебом и пряностями помещение, с огромной печью и стенами, увешанными начищенными медными сковородами и котлами. Он обожал оседлать гигантскую колоду мясника и устроиться там, болтая ногами, что и проделывал сейчас, пока мы пили из глиняных кружек дивный эль и жевали ржаной хлеб с козьим сыром.

Внимательно выслушав меня, учитель прикрыл глаза и кивнул:

- Танцмейстера, должно быть, попросили приготовить достойное развлечение для членов нашего муниципалитета. Вот он и поставил столь необычный танец. Ты видел репетицию, Фолко, и был потрясен. Наверное, представление будет иметь огромный успех.

- Да, ради такого зрелища стоит жить, - согласился я.

- Но Максинио вряд ли захочет отдать свое сокровище сыеру Ру-тилиусу.

- Ни за что не отдаст, - заверил я. - Да узри вы ее хоть раз, тоже не отдали бы!

- Уверен, что это именно ее тень находится в стеклянном ящике Рутилиуса?

- Другой просто быть не может.

- В таком случае, нужно учесть все варианты. Что сделает Рути-лиус, если мы немного подождем, а потом доложим, что не смогли найти хозяйку тени?

- Поручит другим ее отыскать и заплатит любые деньги.

- Но как они могут ее отыскать? Я немного подумал.

- Объяснит им, что мы потерпели неудачу. Тогда они начнут нас выслеживать. К этому времени все узнают о нашем визите к Макси-нио. Им легче легкого пойти по нашим стопам, обнаружить серебряную танцовщицу и уведомить Рутилиуса.

- А Рутилиус, услышав их рассказ, посчитает, что...

- ...Мы предали его и имеем собственные планы на танцовщицу. Думаю, он будет крайне недоволен.

- А что станет с девушкой?

- Он похитит ее, несмотря на все усилия Максинио сохранить тайну и уберечь танцовщицу.

- А потом?

Я пожал плечами.

- Трудно сказать. Он добьется цели. Получит девушку.

- Каковы же будут последствия?

- Понятия не имею.

- Последствие может быть только одно. У тебя сложилось какое-то впечатление о ней? Не о балерине, а именно о девушке, независимо от танца?

Я размышлял. Но на ум ничего не приходило.

- Думаю, девушки вне танца просто не существует. Астольфо недоуменно моргнул глазами, но тут же мрачно кивнул:

- Потому что она не отбрасывает тени. Не отбрасывает тени, как сама музыка. Она изменилась, подобно тем несчастным мальчишкам, которых лишили мужской сути, чтобы сделать из них певцов, чистые сосуды искусства с хрустальным сопрано. Ты прав: вне танца она почти не существует. И Петриниус это понимает. Его рисунок тени насыщен более сильным жизненным духом, более яркими искорками души, чем сама тень. А тень, в свою очередь, обладает большей жизненной энергией, чем девушка, которая ее отбросила.

- Но чем этот факт может помочь Рутилиусу? Я вижу преимущества только для Максинио и спектакля, который он ставит.

- Он сослужит ему плохую службу, да и нам заодно. Нам нужно искать другие пути

отступления или успеха.

- Каким это образом? Астольфо пожал плечами.

- Что-то я устал строить планы, размышлять, обдумывать и взвешивать. Мои мозги уже не так хорошо работают, как прежде. Почему бы тебе не пощекотать ребра своей хитрости и не изобрести стоящий план?

- Попытаюсь, - пообещал я, стараясь говорить беспечно и весело. Я пытался скрыть собственную неуверенность и дурные предчувствия.

- Мы, затаив дыхание, будем ждать твоего шедевра коварства и хитрости, - улыбнулся Астольфо. - Изложишь все завтра, до полудня.

Итак, мне предстоит составить некую программу и уклониться нет возможности. Ясно также, что мастер теней отвергнет ее, как идиотскую, глупую и невыполнимую. Поэтому я не особенно встревожился и посчитал, что этот вечер - мой, и я могу проводить его по своему усмотрению.

Поэтому я зашагал через весь город к «Сердцу Агаты», своему любимому кабачку, чтобы взбодрить ум и тело. Именно там, между бесчисленными кружками эля и постельными забавами, в один из моментов, когда я стал сомневаться в целесообразности такого времяпрепровождения, в мозгу блеснула некая мысль, после чего я мгновенно отправился домой, пошатываясь и спотыкаясь на каждом шагу. Конечно, это не было озарением, но даже и при таких обстоятельствах я не хотел утопить ее в пропитанном алкоголем забвении.

Я встал поздно, за несколько минут до назначенного часа, наскоро привел себя в порядок и, выйдя из дома, приветствовал Астольфо, сидевшего в восточном саду под большим цветущим каштаном. Он с веселым пренебрежением оглядел меня, покачал головой, но ничего не сказал. Мютано, стоявший у маленького столика, наливал пенящийся эль из старого кувшина. Я попытался отвернуться от омерзительного зрелища и не менее омерзительного запаха, но он сунул мне в руки кружку. Я выпил и почувствовал себя немного лучше.

- Ты и представить не можешь, с каким волнением мы ждем твоего рассказа. Говори быстрее и развеяй наши тревоги, - с иронией предложил Астольфо.

Я с трудом сглотнул и, набравшись храбрости, спросил:

- Разве не вы говорили, что сьер Рутилиус провел юность в разгульных забавах и распутстве?

Астольфо не ответил, поэтому я поскорее выпалил:

- Должно быть, в те времена он разбрызгивал свое семя направо и налево. А если он неведомо для себя стал отцом парочки бастардов? Может, мы попробуем убедить его, что к ним принадлежит и танцовщица? Мол, она его родная дочь.

- И что тогда?

- Тогда он не сможет уложить ее в постель и оставит в покое.

- Но он уже до безумия обожает ее тень! И разве не будет горд признать, что плоть от плоти его наделена такой прелестью? Не станет пуще прежнего стремиться заполучить ее в свой дом?

- Как его дочь, то есть предполагаемая дочь, она сумеет заставить его склониться перед ее желаниями.

- Но разве молодая девушка, бедная и одинокая, отданная почти что в рабство своевольному балетному тирану, не будет счастлива найти богатого и любящего отца и вести роскошную беспечную жизнь?

- Нет, если она обвенчана с балетом и музыкой, - объяснил я. - А именно эту безумную увлеченность я и увидел, когда подсматривал за ней. Трудно поверить, что она добровольно расстанется со своим искусством.

- Зато она беспрекословно отдала свою тень.

- Но... но... это совсем другое, - заикаясь, пробормотал я.

- Не пойдет. Слишком велик риск, - вяло, словно нехотя бросил Астольфо фразу, которую я знал заранее. Но все же он сумел удивить меня: - И тем не менее тут есть над чем поразмыслить. Давай немного отложим эту беседу. Можешь хорошенько обдумать свой план, пока Мютано наставляет тебя в искусстве владения хлыстом. Кстати, хлыст - тоже способ завладеть тенью.

Прошло три дня, в течение которых Астольфо, казалось, забыл обо всей этой истории: о поручении сьера Рутилиуса, о Максинио и лишившейся тени танцовщице. Я и сам был очень занят. Мютано не давал мне ни минуты покоя. Теперь основное внимание уделялось рисунку. Меня заставляли вспомнить все случившееся за последние двенадцать месяцев и рисовать тени, распластанные на неровных поверхностях: тень Мютано, стоявшего в углу чулана с глиняными стенами так, что она раздваивалась, падая сразу на обе стены; тень черного кота Крипера, сгорбившегося у шершавых камней ограды; тень моей левой руки, падавшую на куртину колокольчиков.

Таланта к рисованию я не проявил, но Астольфо объяснил, что особого значения это не имеет. Уроки необходимы, чтобы различать тени, падающие на различные поверхности.

Но тем не менее эти новые занятия имели отношение не столько к геометрии, сколько к искусству. Я сидел над стопкой бумаги, пытаюсь передать сходство, но не теней, а их хозяев: садовых ваз, гиацинтов, айвового дерева, спящего Крипера, неуклюжих лапищ Мютано. Время от времени Астольфо подходил ко мне, перебирал рисунки и быстро поправлял их остро отточенным обломком графита. Каждый его штрих был для меня откровением, и хотя за короткое время я многое усвоил, становилось все более очевидным: мне не стать ни Манони, ни Петриниусом. Я с прискорбием сознавал, что эти часы потрачены зря.

Однако я обрадовался, узнав об очередном визите к Максинио и о своей роли в этом деле.

- Вряд ли танцмейстер станет тебя допрашивать, - сказал Астольфо, - но лучше подготовиться к встрече заранее. Ты должен припомнить каждую подробность о танцовщице, которая не отбрасывает тени. Если тебя спросят, отвечай правду.

- Вряд ли он будет доволен, обнаружив, что мы пронюхали о ее существовании. И если полезет в драку, можно ли сцепиться с ним?

- Сомневаюсь, что ты сумеешь достойно сразиться на шпагах с таким блестящим фехтовальщиком, как танцмейстер. Пожалуй, стоит нанять тебе учителя танцев, чтобы ноги поменьше заплетались.

- Но если он все же захочет драться?

- Не захочет, - отрезал Астольфо. - Иди готовься. Через час выходим.

Однако перед тем как отправиться в путь, Астольфо вооружился шпагой, которую именовал «Избавительницей». На этот раз он не пытался рядиться торговцем пряностями, а вместо этого надел обычный костюм: красновато-коричневый камзол и панталоны, а также мягкие сапоги, в широких голенищах которых прятались просторные карманы. В руке он держал свернутый футляр из мягкой кожи, в котором обычно носил большие карты.

Мы неспешно шествовали на убогую городскую площадь, окруженную сонными лавчонками портных, сапожников и лудильщиков.

Добредя до студии Максинио, мы постучались. Дверь отворила та же самая девочка. Теперь, по приказу Астольфо, я пристальнее присмотрелся к ней, но ничего нового не обнаружил: худенькое невысокое создание с черными волосами и огромными темными глазами, сиявшими, словно мокрый обсидиан. Поношенное серое платье судомойки надежно скрывало ее фигуру.

Она повела нас в репетиционный зал. Там все было как раньше: строгая наставница грубо

орала на подопечных, скучающий лютнист лениво перебирал струны инструмента, Максинио, сидя на кожаном походном стуле, громко отбивал ритм короткой тростью с серебряным набалдашником.

Нужно сказать, что при виде нас он отнюдь не засиял от радости.

- Опять ты, Астольфо! - рявкнул он. - Похоже, ты, неведомо отчего, чувствуешь себя обязанным оказывать мне честь своим присутствием.

- Доброго тебе утра, - смиренно поклонился Астольфо.

- Никак ты пустил с молотка свою лавку пряностей? Вижу, сегодня ты обрядился в более привычное платье.

- Сегодня я защищаю интересы свои, а не чужого торговца.

- Которого вообще не существовало, - вставил танцмейстер.

- Совершенно верно. Но ведь ты не в обиде, поскольку с самого начала не верил моей истории. Да и как можно обмануть столь пронизательного человека?

- А вот теперь я носом чую очередное мошенничество, - отрезал тот. - И предупреждаю: если мне надоест терпеть твои жалкие махинации, заставлю своих девушек выкинуть тебя из окна. Кроме того, они не прочь отправить той же дорогой этих двух негодяев, которые липнут к тебе, как сережки к мочкам ушей.

- Умоляю о милосердии, - не сдавался Астольфо. - Посмотри, какой чудесный день: позор, если он будет омрачен насилием. Я пришел только сообщить сведения, которые вряд ли тебе известны.

- То есть явился поделиться сплетнями? Не надейся, что я заплачу тебе за твои «сведения».

- Я всего лишь прошу взглянуть на рисунки, которые принес с собой. Интересно, что ты о них скажешь?

Он развязал тесемки кожаного футляра и стал его разворачивать.

- Единственные произведения искусства, которые меня интересуют, это эскизы декораций нового балета, - отрезал Максинио. - Те, что уже имеются - сущая чепуха, и нам придется начать заново.

- Ты только взгляни на это! - попросил Астольфо и, развернув рисунок, сделанный на тонкой бумаге, поднес его к глазам танцмейстера.

Заметив, что Максинио ошеломленно хлопнул глазами и содрогнулся, я осторожно заглянул через плечо учителя. Увидев красующуюся на бумаге фигуру, я от изумления охнул. Максинио ничего не заметил, пристально вглядываясь в рисунок, безразличный ко всему окружающему.

На рисунке была танцовщица, лишенная тени, та самая женщина, которую я узрел в приоткрытую дверь. Лицо поднято к небу, фигура удлинённая и словно невесомая, руки воздеты вверх, волосы рассыпались по плечам. Мои последние упражнения в рисовании, пусть и неуклюжие, позволили по достоинству насладиться шедевром, неизвестно откуда появившимся у Астольфо.

Наконец Максинио перевел взгляд с рисунка на мастера теней. Мне стало не по себе: лицо танцмейстера искажала бешеная ярость. Сейчас он невероятно походил на маленькие статуэтки демонов, предназначенных отгонять злых духов от храмовых садов.

- За это ты заплатишься жизнью, - произнес он едва слышно, задыхаясь от гнева.

- Мои помощники позаботятся о моей безопасности, - заверил Астольфо. - Но почему ты угрожаешь мне? Я принес тебе в подарок это изысканное произведение искусства.

- Танцовщица - моя тайна, гарантия успеха нового спектакля. Не понимаю, как ты набрел на ее изображение. Я не выпускал ее из дома. Никто не должен видеть ее до нового сезона, когда назначена премьера балета «Духи света».

- Она не появится в танце духов света. И никогда не будет танцевать на публике.

- Она должна. Все решено окончательно и бесповоротно.

- Ты спас от нищей и убогой жизни много молодых девушек, - продолжал Астольфо. - Самых способных сделал танцовщицами, а для других нашел работу. Но тебя интересует только дело. Ты почти ничего не знаешь о том, откуда девушки взялись, кто они и кем были прежде.

- У меня не приют и не богадельня, - буркнул Максинио. - И они учатся быть не личностями, а всего лишь балеринами. Стремятся жить только ради танца, как живу я сам.

- Поэтому ты даже не можешь назвать истинного имени девушки. Значит, вот почему ты лишил ее тени, продал эту тень, чтобы она не смогла ее вернуть, и теперь представишь на сцене танцовщицу, исполненную безупречной чистоты.

- Я легко могу отнять тени у всех девиц. Но только она одна воплощает идеал, который я искал так долго. Именно в отсутствии тени и заключается ее совершенство.

- Но мне удалось обнаружить, что она побочная дочь знатного и могущественного аристократа, которому вовсе не хочется видеть, как она выламывается перед всякой швалью. Тебе придется отдать ее мне. Я доставлю девушку к отцу, и за это он пощадит твою жизнь и жизни всех, кто служит тебе, и не сожжет этот дом до основания.

- Кто этот кошмар, которым ты мне угрожаешь?

- Тебе не стоит знать.

- Но как ты докажешь, что он действительно существует?

- Довольствуйся тем, что я тебе сказал. Кроме того, у меня ее портрет, не так ли? Кстати, взгляни на это. Что ты видишь?

Астольфо свернул первый рисунок и отдал Мюрано, который перевязал его черной атласной лентой, а сам развернул еще один листок и поднес к глазам Максинио. Тот недоуменно вскинул брови, подался вперед и пристально всмотрелся в изображение.

- Кажется, я видел эту тень, хотя не помню где.

- Это тень твоей серебряной танцовщицы. Максинио покачал головой.

- Нет. Ее тень обладает непревзойденной грацией, а в этой что-то не так. Она ущербна. Ее словно поразила чахотка, какая-то болезнь.

- В этом состоянии она находится с тех пор, как ушла из твоих рук. Так она выглядит именно в этот момент, и я отдам рисунок отцу девушки. Он наверняка посчитает, что здесь с ней плохо обращались. А когда его гнев достигнет апогея, я назову твое имя и скажу, где тебя искать.

- Ты погубишь меня... и уничтожишь мое дело... но зачем? Между нами не было вражды. Ты абсолютно мне безразличен, как и я тебе. Если ты задумал уничтожить меня, то лишь с целью набить свой кошелек.

- Конечно, отец вознаградит меня за благополучное возвращение дочери. Да и тебе кое-что перепадет.

- Я не нуждаюсь в подачках.

Максинио, в бессильной злобе сжимая и разжимая кулак, барабанил по полу тростью черного дерева.

- Копи свое золото, пока не утонешь в нем! Я забочусь только о «Духах света». Если я отпущу танцовщицу, она помчится к отцу на крыльях ветра, но, к сожалению, балет не может обойтись без примы.

Астольфо протянул рисунок тени Мюрано, который свернул его и перевязал красной лентой.

- А теперь взгляни на третье изображение.

Он развернул перед Максинио последний рисунок, портрет другой молодой танцовщицы.

Поза была та же, что и у серебряной девушки, но у модели были не светлые, а темные волосы, а глаза, обращенные к небу, сверкали черным ониксом. Не такая высокая, как первая танцовщица, она тем не менее была столь же грациозна: изысканное создание, словно стремящееся взлететь.

Максинио с мрачным интересом всмотрелся в модель.

- Интересная фантазия на тему совершенства в балете. Никто, кроме Петриниуса, не способен нарисовать такое, но это лишь игра воображения. Существой девушка на самом деле, я нашел бы ее.

- Рисунок сделан по памяти, и сама девушка вполне реальна. К тому же ты знаком с ней. Ее зовут Линила.

- О нет! Единственная Линила, которую я знаю, всего лишь маленькая служаночка в моем доме. Подметает, моет полы и горшки вот уже три года, с тех пор как умерла ее мать.

- Это она и есть.

- Но если это так, разве я не узнал бы ее даже в этом наряде?

- Ты так свыкся с ней, что она стала для тебя невидимкой.

- Она не танцовщица, а всего лишь судомойка.

- Ею можно позаниматься.

- Со временем, возможно, если у нее откроются способности. Но до премьеры осталось слишком мало времени.

- Можно подумать, у тебя остается выход. Отец потребует назад свою серебряную дочь, я предлагаю тебе другую на ее место. Остается только задержать премьеру твоих «Духов...».

- Это не так просто и потребует дополнительных расходов.

- Все затраты будут компенсированы. Повторяю, у тебя нет выхода. В сумерках за девушкой пришлют экипаж. Ты сделаешь все, чтобы она выглядела как можно лучше, и сам посадишь ее в карету. Пойми, вернуть ребенка отцу - благородное деяние!

- Благородное или подлое - ничего тут не поделаешь! И все же я не забуду той гнусной шутки, которую ты со мной сыграл.

- Я спас тебе жизнь, - напомнил Астольфо.

Вечером мы собрались на кухне за накрытым столом, перед гигантским пирогом с говядиной и почками, который Астольфо выманил у поваров. Для утоления жажды хозяин припас флягу с выдержанным сидром. Днем мастер теней побывал в шато Рутилиуса и договорился о приезде танцовщицы.

- Надеюсь, девушке повезет, - заметил я, - хотя потеря для балета огромная.

Астольфо весело кивнул и сказал, что обязан мне удачной мыслью.

- Какой именно?

- Я объявил сьеру Рутилиусу, что считаю девушку его побочной дочерью и указал на некоторое сходство в лице и телосложении. Ведь это ты сам предложил. Вполне возможно, что мы уберегли обоих от гибели.

- Гибели?

- Тот, кто влюбляется в тень, увлечен идеалом. Ни одна женщина не способна приблизиться к совершенству столь ослепительной иллюзии, и непременно следствием такой страсти становится отвращение к женщине из плоти и крови, ибо она, по мнению влюбленного, предаст идеал, портит совершенство, которое так отчетливо отпечаталось в его мозгу и сердце. И тогда перед глазами возникают кинжал, петля и кубок с ядом, грозные и неумолимые. Нет на свете никого более отчаявшегося, более опасного, чем тот, чьи идеалы рухнули.

- Значит, мы правильно сделали, что обманули его в отношении родственных связей? - спросил я.

- Кто знает, обман ли это? Существует вполне реальная вероятность, что она его дочь.

- А что если он ринется на поиски ее матери?

- Увы! - вскричал Астольфо. - В моем пылком изложении мать была удушена ревнивым возлюбленным и брошена в море, которое приняло ее бездыханное тело.

- А этот возлюбленный? Вдруг сьер Рутилиус пустит сыщиков по его следу?

- Невозможно! Ревнивец раскаялся и удалился на Туманные острова, где ведет одинокое жалкое существование, оплакивая пороки своей прежней жизни.

- Милая сказочка. Но я все же чего-то не понимаю. Каким образом Петриниусу удалось сделать три рисунка? Он не видел девушек и не мог знать, насколько разительно изменилась тень.

- Я знал, что для своей коллекции он непременно сделает копию рисунка, проданного Рутилиусу. Я попросил его сделать еще один, изменив контуры таким образом, словно тень начинает разрушаться.

- Но девушки? Откуда он мог их видеть. Неужели он сумел незамеченным пробраться в дом Максинио?

- Петриниус не видел девушек.

- Но каким же образом он нарисовал их портреты?

- Он ничего не рисовал.

Астольфо глотнул сидра, поставил кружку и вытер рукой рот.

- Поверь, в этой стране есть другие таланты, помимо этого тщеславного и наглого художника. Я сам частенько делал наброски, иногда в манере Манони или даже в стиле самого Петриниуса.

- Так это ваша работа? Но вы не видели серебряную танцовщицу! В тот раз вы сидели в репетиционном зале, отвлекая внимание Максинио от моих скитаний по дому.

- Я внимательно выслушал твое описание. И кроме того, у меня был рисунок тени. Послушай, Фолко, если человек может отбрасывать тень, почему бы тени не отбрасывать человека?

- Тень может отбрасывать?..

- В этом случае тень может отбрасывать изображение девушки. Подумай о своих похотливых и непристойных фантазиях. Разве они не приводят кое к каким чисто физическим реакциям организма? Только, ради всего святого, не нужно ничего рассказывать. Я скромный человек, которого легко смутить.

Вы когда-нибудь задавались вопросом, как смеется немой? В случае с Мютано смех принимает форму омерзительно широкой ухмылки, оглушительного грохота по столу, хлопанья по бедрам и потоков слез, струящихся из уголков глаз.

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© Fred Chappell. Dance of Shadows. 2006. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy amp; Science Fiction».

^[1] Английская мера веса. Один стоун - 6,35 кг. (Здесь и далее прим. перев.)

^[2] Сокр. синьор (ит.)

^[3] Вид плотной ткани.

^[4] Баран (англ.). Имя Мютано происходит от слова *mute* - немой.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

11.08.2008